

Но вместе с тем мотивная структура в хантыйских народных волшебных сказках имеет свои особенности: в частности, большинство хантыйских сказок завершается торжеством героя и его воцарением, то есть отсутствуют такие мотивы-функции, как прибытие героя неузнанным домой или в другую страну, предъявление ложным героем необоснованных притязаний, получение героем новой трудной задачи после прохождения главного испытания, решение задачи, узнавание героя, обретение героем нового облика. В целом, это позволяет говорить о более простой мотивной организации хантыйских народных волшебных сказок, в сравнении, например, с русскими народными волшебными сказками.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин В.П. 1977. Русская народная сказка. М.: Просвещение
Молданов Т. 2001. Земля кошачьего локотка. Томск: Изд-во Томского Университета
Плисс А.А. Семантика категории «мотив» в современном литературоведении: функциональные характеристики // <https://cyberleninka.ru/article/v/semantika-kategorii-motiv-v-sovremennom-literaturovedenii-funktsionalnye-harakteristiki-1> (2018. 15 апр.)
Пропп В.Я. 1969. Морфология сказки. М.: Главная редакция восточной литературы.
Путилов Б.Н. 1975. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей в память В.Я. Проппа. М.: Наука.
Успенская С.С. 2002. Касуммувмоньшат-путрат. Сказки-рассказы Земли Казымской. Томск: Изд-во Томского университета.

УДК 821.161.1

О.С. Ращупкина

ПСИХОЛОГИЯ СТРАСТЕЙ В ДООКТЯБРЬСКИХ РАССКАЗАХ И.А. БУНИНА О ЛЮБВИ (НА МАТЕРИАЛАХ РАССКАЗОВ «ИГНАТ» И «ПРИ ДОРОГЕ»)

Аннотация. Обращение к рассказам И.А. Бунина, написанным в период с 1909 по 1919 годы, позволяет увидеть изменения в звучании темы любви в творчестве писателя в сравнении с ранними рассказами.

Так, тема любви в произведениях И.А. Бунина, относящихся к дооктябрьскому периоду, оказывается тесно связана с постановкой проблемы индивидуального сознания. Писатель на страницах произведений размышляет о природе человека и о власти любви и страсти над человеческой личностью. Бунин стремится постичь стихийные процессы сознания своих героев – именно это становится предметом художественного исследования автора. Образы главных героев анализируемых нами рассказов «Игнат» (1912) и «При дороге» (1913) отличается глубокий психологизм: писатель поднимает проблемы соотношения сознательного и бессознательного в человеке.

Соотнесение событийно-психологического плана повествования с художественными пространством и временем позволяет И.А.Бунину привнести в изображение действительности символическое звучание: в частности, в рассказе «Игнат» наделение времен года оценочным началом показывает разрушение личности Игната и выводит повествование на качественно иной уровень, а в рассказе «При дороге» особое место приобретают лейтмотивные образы ржаного поля и дороги.

И.А.Бунин в произведениях этого периода обращается к конфликтным, событийно острым ситуациям, сознательно акцентирует внимание на драматическом элементе, подчеркивает и, более того, обостряет его. Любовь в дооктябрьских произведениях осмысливается писателем как страсть, имеющая своей природой трагическое начало, ведущее к разрушению личности или к гибели.

Ключевые слова: Бунин; психологизм образов; драматизм образов; любовь; страсть.

Сведения об авторе: Ращупкина Ольга Станиславовна, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, преподаватель русского языка и литературы МБОУ «Лицей».

Контактная информация: 628615, г. Нижневартонск, ул. Дзержинского, 17 А, ауд. 215; тел. 89129379700, e-mail: 77ros@mail.ru

O.S. Raschupkina

**PSYCHOLOGY OF THE PASSIONS
IN THE PRE-OCTOBER STORIES OF I.A. BUNIN ON LOVE
(ON THE MATERIALS OF THE STORIES «IGNAT» AND «AT THE ROAD»)**

Annotation. The appealing to the stories of I.A. Bunin written in the period from 1909 to 1919 allows you to see the changes in sounding of the theme of love in the writer's work in comparison with his early stories.

So, the theme of love in the works of I.A. Bunin, referring to the pre-October period, is closely related to the statement of the problem of individual consciousness. On the pages of the works the writer reflects on human nature and the power of love and passion over the human person.

Bunin seeks to comprehend the spontaneous processes of consciousness of his characters; this is precisely what becomes the subject of the author's artistic research. The main characters' images of the stories «Ignat» (1912) and «At the Road» (1913), analyzed by us, are distinguished by deep psychology: the writer raises the problems of the relationship of the conscious and the unconscious in the person.

The correlation of the event-psychological narrative plan with the art space and time allows I.A. Bunin to bring a symbolic sounding into the image of reality: in particular, in the story «Ignat», giving the seasons with an appraising beginning shows the destruction of Ignat's personality and brings the narrative to a qualitatively new level, and in the story «At the Road» a special place is taken by leitmotives of a rye field and a road.

In the works of this period I.A. Bunin turns to conflict, eventually acute situations, deliberately focuses attention on the dramatic element, emphasizes and, moreover, sharpens it. The love in pre-October works is interpreted by the writer as a passion that has a tragic nature, leading to the destruction of personality or to the death.

Key words: Bunin, the psychology of images, dramatic nature of images, love, passion.

About the author: Raschupkina Olga Stanislavovna, deputy director for teaching and educational work, teacher of Russian language and literature of the «Lyceum».

Обращение к рассказам И.А. Бунина, написанным в период с 1909 по 1919 годы, позволяет увидеть эволюцию звучания темы любви в творчестве писателя. Уже современники И.А. Бунина отметили глубокий психологизм образов. Так, в 1914 году К. Чуковский писал: «В этих произведениях нового Бунина лаконический, четкий и твердый рисунок, энергичная, часто жгучая фабула... Бунин неожиданно стал живописцем сложнейших человеческих чувств и после нескольких неудачных попыток оказался таким изощренным психологом, ведателем глубей и высей души человеческой, каких не могли и предвидеть читатели его прежних вещей» (Чуковский 1990: 296).

Одним из наиболее интересных произведений, написанных в дооктябрьский период, является рассказ «Игнат» (1912г.). Вспоминая историю создания «Игната», Бунин писал М.А. Алданову 23 августа 1947 года: «Был...у нас в деревне подросток пастух, про которого говорили, что он порочных склонностей, вот почти и вся правда, от которой пошла выдумка «Игната». (Бунин 1988: 634).

На наш взгляд, писатель поднимает в этом произведении проблему соотношения сознательного и бессознательного в человеке, пытается осмыслить вопрос о том, что лежит в основе «порочных склонностей»: объективное (рациональное) или субъективное (иррациональное) начало, реализующееся на уровне подсознания.

Мы считаем, что, рассматривая природу чувства в данном произведении, более верным будет говорить о страсти, захватившей героя, а не о любви, поскольку любовь есть понятие, основанное на духовном единении людей, а страсть является категорией, имеющей своей основой, в первую очередь, единение физическое, направленное на обладание кем или чем-либо.

Сложность характера Игната задана в самом начале произведения: «Непроще, скрытнее его не было малого во всех Извалах» (Бунин 1988: 273). Автор не дает развернутой характе-

ристики героя, сознательно не говорит о его прошлом, акцентируя внимание на конкретной временной ситуации. Это позволяет читателю сосредоточиться на внутренней характеристике героя, увидеть процессы, происходящие в нем.

Разрушение личности Игната мы объясняем не социальными причинами, а утратой героем цельности человеческой личности, победой животного инстинкта, лежащего в основе его страсти к Любке. Указание на ненормальность его чувств заложено в одной фразе: «Усиливали его любовь и барчуки». Связь Любки с офицерами вызывает не ревность у Игната, а лишь усиление его страсти. Невозможность телесного обладания Любкой приводит героя к пьянству, которое становится своеобразным эрзацем желанной физической близости с героиней.

«За пунькой, на скате косогора, покрытом зернистым снегом, он постоял, думая о Любке. Потом запрокинул голову и, не переводя духа, выпил все до капельки... Он присел на корточки и стал ждать дурману, потом упал, хохоча, наслаждаясь тем, что он пьян» (Бунин 1988: 276).

Его страсть к пьянству становится не менее сильной, чем страсть к женщине. Игнат теряет ощущение допустимого, отдавая себя во власть подсознательного. Желая удовлетворить свою потребность, он готов на все: «Игнат схватил ее (девочку) за горло и повалил на дорогу. Девочка захрипела и распустила пальчики. Игнат выгреб из ее ладони деньги – тридцать копеек. Купив водки, он пошел прямо к лесу» (Бунин 1988: 281).

В финале рассказа Игнат убивает купца, с которым ему изменила Любка. Но этот поступок объясняется не желанием присвоить деньги и стать богатым, а заложенной в Игнате ненавистью. Возвращаясь домой, он потенциально готов к убийству Любки, но на деле его страсть так велика, что он убивает не ее, а купца, который становится для Игната точкой, на которую направлена вся ненависть, заложенная и скопившаяся в нем.

Игнатом движет не разум, а эмоции. Он понимает, что Любка не любит его: «Все еще жила в нем надежда сравняться с Любкой, стать достойным ее настоящей, а не притворной любви» (Бунин 1988: 282). Но, осознавая, что ее любовь неискренняя, он не может подавить в себе чувства к ней, страсть захватывает его всего. Человек, живущий эмоциями и страстями, отдает себя во власть бессознательного, что приводит к полному разрушению личности.

Одной из важнейших особенностей данного произведения является организация художественного времени, тесно связанная с пейзажными описаниями. Время, обладающее, согласно своему внутреннему механизму, текучестью (Култышева 2007: 114), символически отражается в смене времен года, каждое из которых соответствует определенному психологическому состоянию Игната.

Более того, мы можем сделать вывод о существовании определенных связей между тем или иным временем года и событийно-психологическим планом повествования.

Зима для Игната становится временем, несущим в себе негативное начало. Игры Любки с барчуками, с одной стороны, и пробуждение страсти Игната к Любке – с другой, находят художественное решение в противоборстве зимы с весной: «Масленица выпала поздняя, и порой казалось, что совсем одолевает зиму весна» (Бунин 1988: 275).

Сближение Игната с Любкой имеет своим фоном весну: пробуждение страсти и пробуждение природы находятся в одном ассоциативном кругу: «Игнат, не сводя глаз с ее (Любки) слабо белевшего в сумраке передника, отошел, постоял... Сумрачными, смутными клубами нависали над садом дождевые облака. Дул западный ветер – и была в нем пьянящая влажность, сила ранней весны, одолевающей зиму...» (Бунин 1988: 276).

Ухаживания офицера за Любкой имеют своим фоном зимний пейзаж, что позволяет нам говорить о том, что зима для Игната становится знаком, таящим в себе опасность, несущим какое-то зло. «А на другой день одолела зима, еще гуще валил снег, к вечеру поля потерялись в тумане вьюги... Офицер, звеня шпорами, вышел на крыльцо... Любка обошла его. Он покосился и забормотал еще сладострастнее...» (Бунин 1988: 276). С отъездом офицеров

весна возвращается: «В ясный солнечный день третьей неделе уехал и Николай Кузьмич. Внезапно вернулась весна»(Бунин 1988: 278).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что художественное время и пейзажные описания в данном произведении тесно связаны и имеют немаловажное значение для раскрытия идеи всего произведения. Зима – фоновое время, таящее в себе опасность для героя, становится признаком некой мертвенности не только природы, но и самого Игната.

В связи с этим огромный интерес представляет финал произведения, когда Игнат топором убивает купца. Зимний холод пронизывает всего героя: «Игнат, стоя на снегу, давно не чувствовал ног, окаменела и голова его, насквозь промерзла, стала тонкой, ледяной шинель» (Бунин 1988: 292). Последние строки подчеркивают разрушение человеческого в Игнате. После преступной и греховной ночи «он рукой сгребал с серого наста возле ступенек свежий, белый снег и прикладывал его к темени» (Бунин 1988: 292).

Мы можем сделать вывод о том, что временная организация данного произведения позволяет увидеть разрушение личности Игната, а наделение времен года оценочным началом позволяет Бунину вывести повествование на качественно иной уровень, привести в изображение действительности символическое звучание.

В данном произведении немаловажное значение приобретают небесные образы. Так, перед встречей Игната и Любки, которая определит их дальнейшую жизнь, в повествование вводится следующая сцена: «Впереди, над темной каймой леса, поднимался большой красный Марс. И пастух остановился. Он вдруг вспомнил, что нынче должна приехать барыня... Казалось ему летом, что минует его то неизбежное, что должно быть. Но теперь он почувствовал, что нет, не бывает тому – не минует. Оно уже близилось, росло, надвигалось...» (Бунин 1988: 281).

Марс как знак беды, как знак чего-то неизбежного становится своего рода предупреждением Игнату, но он не в силах ничего изменить. Фаталистические ноты, звучащие в этом отрывке, позволяли некоторым исследователям строить свои концепции о роковой предопределенности судеб бунинских героев. Мы считаем, что объяснить все произошедшее влиянием рока и фатума ошибочно, поскольку это сужает глубину художественного анализа Бунина.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы можем отметить, что данное произведение отличается от ранних произведений о любви более четкой фабулой. Также особенностью данного рассказа является его временная организация, глубина психологического анализа образа Игната позволяет говорить о создании писателем сложного характера, что объясняется интересом Бунина к «глубинам и высотам» человеческой души.

Год спустя Бунин пишет рассказ «При дороге» (1913год), в котором вновь и вновь пытаются понять природу любви как чувства, одновременно окрыляющего и губительного для человека.

Ожидание героиней рассказа – девушкой Парашкой - любви, чистого и прекрасного чувства, напоминает сюжет миниатюры «Заря всю ночь»: «Во всех песнях говорилось об одном – о любви. И она пела их, но мысленно – так трогали они ее, особенно одна, старинная: «Уснул, уснул мой любезный, у девушки на руке, на кисейном рукаве». Все подружки готовились только к одному – к замужеству, к жизни, к близости с мужем. Рано стало волновать, страшить ее предчувствие этой близости» (Бунин 1988: 430-431). Но нежность Парашки, ее внутренняя чистота и любовь на деле оказываются никому не нужны: все ее мечты разбиваются о непреодолимую преграду – о зло и жестокость человеческой натуры.

Героине рассказа «Заря всю ночь» выпало счастье ожидания любви, Парашка же пережила трагедию утраты веры в возможность существования этого чувства. Мечты, ставшие явью, оказались столь страшны, что Парашка находит выход в отказе от реальности, она вновь мечтает, чтобы «утолить муку о невозвратном, прежнем времени»: «Она незаметно для самой себя давала волю сердцу – и мысли ее туманились. Она вспоминала, как любила, жда-

ла кого-то – и любовь эта возвращалась, и она не могла найти себе места от тоски по прошлому, от жалости к себе, от нежности к тому, кого она, казалось, так долго любила» (Бунин 1988: 441).

Даже незыблемая, казалось бы, основа для героини – любовь к отцу, взаимопонимание с ним – была разрушена, когда отец склонял ее на физическую близость с ним.

Все эти страшные испытания, выпавшие на долю девушки, разрушили ее веру в людей. Ее чистые и светлые мечты столкнулись с низостью и грязью реальной жизни – и разница между вымыслом и действительностью оказалась столь велика, что Парашка не выдержала этого напряжения и сошла с ума.

Ф. Степун считал, что «При дороге» – вещь более совершенная и значительная, чем очень близкая по теме повесть «Митина любовь»: «В «При дороге» Буниным рассказано, как в душе и крови деревенской девушки Парашки сначала дремотно-растительно, нежно «ночным перепелиным трюканьем», потом острее и томительнее «тоскою горизонтов, дорог, видом и песнею цыганского табора» постепенно нарастает любовь; как эта безликая любовь постепенно распяляет душу и, слепая, мечется во все стороны... как, наконец, эта любовь, – такая прекрасная в природе и в предчувствии и такая оскорбительная и смрадно-душная между людьми, – доводит ни в чем не повинную Парашку до преступления и безумия» (Бунин 1988: 646).

Мы считаем необходимым обратить внимание на роль пейзажа: образ ржаного поля становится лейтмотивом всего произведения. В отличие от более ранних рассказов, значимой характеристикой в пейзажных описаниях становятся не краски, а передача состояния природы, в данном случае – тишины (то несущей успокоение, то напряженной, то гнетущей) и духоты: «За избой слепило низко опустившееся солнце... Как тихо было тут после гомона пьяных! Простор хлебных полей был к закату неоглядный, золотой, счастливый...» (Бунин 1988: 438); «После того нечаянного праздника, что нарушил будни в хуторе, хутор стал как будто молчаливее, и напряженная тишина стояла вокруг него в желтых и светлых полях» (Бунин 1988: 440), «А день настал глухой, палящий, ослепительный, хотя блестящие горизонты были от зноя мутны и белесы... Море спелых хлебов как будто сдвинулось, теснее обступило и двор, и дорогу, тускло блестящую голубой пылью. И этот песочный цвет хлебов, низко склонивших тяжелые колосья и застывших в тишине, в густом горячем воздухе, давал впечатление отчаянной духоты» (Бунин 1988: 444). И финальные строки: «Парашка взвизгнула и нырнула в душную гущу колосьев» (Бунин 1988: 446).

Следует отметить, что если в начале Парашка могла найти успокоение среди хлебов, в их тишине она черпала силы и покой, то последующие события, разрушая ее внутреннюю целостность, отдаляли ее от природы. Ее мечты о дальних странах, в которые вела дорога, теряющаяся между хлебов, ее мечты о любви – все это разрушается действительностью. Мы считаем, что ее мечты материализуются в символическом образе дороги. Их разрушение приводит к утрате дороги, то есть к разрушению ее личности. Поэтому и бежит сошедшая с ума Парашка «без дорог, по хлебам».

Бунину в данном произведении удалось передать глубину чувств и переживаний Парашки. Изменения, происходящие в ее жизни, находят символическое отражение в понимании и чувствовании героиней природы: от единения с ней до осознания подавляющей и гнетущей силы природного начала – такой путь суждено пройти девушке. Таким образом, мы можем говорить о том, что роль пейзажных описаний в данном произведении не ограничивается эстетической функцией, а несет в себе психологический и философский аспекты.

Анализ рассказов «Игнат» и «При дороге» позволяет сделать вывод, что, в отличие от большинства ранних рассказов, затрагивающих тему любви, И.А. Бунин в произведениях этого периода обращается к конфликтным, событийно острым ситуациям, сознательно акцентирует внимание на драматическом элементе, подчеркивает и, более того, обостряет его. Тема любви в данный период тесно связана с решением проблемы индивидуального созна-

ния, что может быть объяснено стремлением писателя постичь и объяснить поступки и тайные желания человека, те механизмы, которые движут человеком всю жизнь. Мы считаем, что Бунин в произведениях этого периода, затрагивающих тему любви, не поэтизирует «мощь человеческих страстей», а размышляет о природе человека и о власти любви и страсти над человеческой личностью. Писатель стремится постичь стихийные процессы сознания своих героев – именно это становится предметом художественного исследования автора.

В целом, если говорить об эволюции звучания темы любви, то можно отметить, что в дооктябрьских рассказах писателя понимание любви как чувства, несущего в себе потенциальную возможность единения человека и природы, характерное для ранних произведений, сменяется осмыслением любви как страсти, имеющей своей природой трагическое начало, ведущее к разрушению личности или к гибели.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабореко А.* 1983. И.А. Бунин. Материалы для биографии с 1870 по 1917. М.: Художественная литература.
Бунин И. 1988. Собр. соч. в 6-ти томах, т. 3. М.: Художественная литература.
Гедейко В. А. 1976. Чехов и Ив. Бунин. М.: Советский писатель.
Култышева О.М. 2007. Творчество В. Маяковского во взаимодействии с литературным процессом 1910 – 1920-х годов: Дис. ... д-ра филол. наук. М.
Чуковский К.И. 1990. Сочинения в 2-х томах. Т.2. М.: Правда.

УДК 821.161.1

Е.Н. Рымарева, А.В. Себелева

КОНЦЕПЦИЯ «МИРОВОГО ДРЕВА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОБСКИХ УГРОВ

Аннотация: В статье рассматривается творчество обских угров, народности, живущей на севере нашей страны. Ханты и манси обладают уникальным, отличным от других народов, миропониманием. Это делает их творчество самобытным. Однако их мифологии и художественному творчеству свойственны сюжеты и образы, которые можно назвать мировыми. Одним из таких является образ «мирового дерева». Авторами статьи он рассматривается с позиций теории архетипов К. Юнга. Общеизвестно, что архетип – это «изначальный образ», передающийся человеку генетически, на бессознательном уровне и обладающий множеством различных смысловых связей. С архетипом Мирового дерева связана идея «восхождения». С опорой на исследования В.Н. Топорова делаются выводы о том, что данный архетип является универсальным. В связи с этим, в статье проводится анализ архетипических черт в песенном фольклоре обских угров. Примечательно, что эта традиция сохраняется по настоящее время. Далее рассматривается переход исследуемого архетипичного образа в современное творчество писателей Югры. Авторы уделяют внимание повести «В ожидании первого снега» Е. Айпина, где изображено взаимодействие аборигенов Югры и «чужаков»-нефтяников. В ходе анализа делается вывод о том, что Дерево – это основа мироздания, оно обеспечивает связь миров. Мир в понимании ханты непрерывен, он перетекает из одного состояния в другое, в основе его – вечное движение, он одухотворен, и потому примирения с новой жизненной философией, где уничтожают лес, быть не может по логике вещей. К такому же выводу приходит и лирический герой поэзии А. Тарханова.

Ключевые слова: архетип; «мировое дерево»; обские угры; Е. Айпин; А. Тарханов; мифологическое сознание; мироустройство ханты и манси.

Сведения об авторах: Рымарева Елена Николаевна¹, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета. Себелева Анастасия Валериевна², кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.